

Научная статья
УДК 947. 084
doi: 10.17223/19988613/79/8

Начальник спец(труд)поселений Западной Сибири Иван Долгих: номенклатурный взлет и выживание кадрового охранителя (1930–1937)

Сергей Александрович Красильников¹, Алексей Георгиевич Тепляков²

^{1,2} *Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия*

¹ *krass49@gmail.com*

² *teplyakov-alexey@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается важнейший этап служебной биографии Ивана Долгих, являвшегося в 1930–1937 гг. руководителем западносибирского управления спец(труд)поселений СибЛАГа. Проанализированы условия и факторы, способствовавшие номенклатурному выживанию кадрового охранителя. Сделан вывод о том, что Долгих оказался востребованным репрессивной системой как опытный управленец, способный к решительным действиям в кризисных ситуациях, сопровождавших становление и трансформацию региональной сети комендатур.

Ключевые слова: Иван Долгих, тип охранителя, формирование сети комендатур, кадровый потенциал, репрессии, номенклатурное выживание

Для цитирования: Красильников С.А., Тепляков А.С. Начальник спец(труд)поселений Западной Сибири Иван Долгих: номенклатурный взлет и выживание кадрового охранителя (1930–1937) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 64–73. doi: 10.17223/19988613/79/8

Original article

Ivan Dolgikh, Head of the Special (Labor) Settlements of Western Siberia: Nomenclatura Rise and Survival of a Personnel Guard (1930–1937)

Sergei A. Krasilnikov¹, Alexei G. Teplyakov²

^{1,2} *Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *krass49@gmail.com*

² *teplyakov-alexey@rambler.ru*

Abstract. The biography of Ivan I. Dolgikh (1896–1956) is a common case of ambivalent perception of a person's personality and activity during the change of historical epochs, formed by the era of wars and revolutions, when the type of uncompromising fighter for the victory of the Bolshevik system and then – for its protection from enemies – was glorified. He certainly played a positive role in this historical narrative. With the paradigm shift in the early 1990s, the attention of researchers was focused on the activities of I. I. Dolgikh as an employee of the GULAG, a guardian of the Stalinist regime for a quarter of a century. This publication analyzes the phenomenon of extraordinary nomenclatural survivability of Dolgikh as the head of the system of special (labor) settlements in Western Siberia, together with which he survived during the acute crises of its formation. It is proved that this was facilitated by the very type of personality of Dolgikh, who combined the traits of a tough serviceman acting within the limits of his official functions with the ability to act as decisively as possible in extreme conditions, eliminating or minimizing the dangers to the regional structure subordinate to him. This is a type of "useful guardian", which stood out against the background of huge staff turnover at all levels of the security system of the Stalin era. During his career in the West Siberian region, Dolgikh managed the population of labor settlements with a population of 200 to 300 thousand people with a staff of commandant's offices of 500 – 700 people, whose composition changed annually by at least 10 – 15%. The main value of Dolgikh in the eyes of the higher punitive and regional leadership was his obvious role in achieving and ensuring a certain stability of the special settlement system. In terms of punitive reasoning, Dolgikh fulfilled two main goals set for him during his seven-year term of service: a controlled commandant's complex was created and functioned in the region, providing a regime for the maintenance of exiled peasants and the exploitation of their labor for the implementation of the government's economic plans. At the same time, Dolgikh himself personified one of the essential features of the regime-mobilization type system, the existence of which was ensured by the imperative of survival, not development. In the special settlement segment, there were no positive motives and incentives for productive work, huge resources were absorbed here ("irrevocable costs"), the type of survival was reproduced both for the "special contingent" and for the guards themselves.

Keywords: Ivan Dolgikh, type of guard, formation of a network of commandant's offices, personnel potential, repressions, nomenclature survival

For citation: Krasilnikov, S.A., Teplyakov, A.G. (2022) Ivan Dolgikh, Head of the Special (Labor) Settlements of Western Siberia: Nomenclatura Rise and Survival of a Personnel Guard (1930–1937). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 64–73. doi: 10.17223/19988613/79/8

Иван Иванович Долгих (1896–1956) – уроженец Барнаула и сын торговца. Попав в 1915 г. на фронт, он воевал вплоть до 1923 г.: участник мировой войны, фельдфебель, в ноябре 1917 г. был демобилизован по ранению, затем командовал отрядом красногвардейцев. Воля, энергия, умение командовать, личная храбрость сделали Долгих неплохим командиром. Примкнув к левым эсерам, он возглавлял эскадрон в легендарном отряде П.Ф. Сухова и после его полного разгрома в августе 1918 г. оказался среди буквально двух десятков пленников, случайно уцелевших от массовой расправы белых. Вскоре Долгих попал в барнаульскую тюрьму, но несколько месяцев спустя оказался освобожден как якобы рядовой красноармеец. В разгар партизанского движения на Алтае он подвизался жестянщиком в частной мастерской и только в октябре 1919 г. примкнул к повстанцам и несколько недель командовал батальоном в партизанской 6-й Горно-степной дивизии Ф.И. Архипова, отколовшейся от Западно-Сибирской красной крестьянской армии Е.М. Мамонтова. [1. С. 447]. Вожаки держали анархичную партизанскую массу в узде с помощью разрешения на убийства, грабежи и насилия. Военный инструктор при штабе дивизии Архипова в марте 1920 г. сообщал о бесчинствах партизан, чьи командиры, боясь лишиться постов, «...потворствовали дурным поступкам темных личностей... Пьянство, мародерства и насилия над женщинами были нередкими явлениями. Не говоря уже о казачках, которых партизаны... считали почти военным призом» [2. С. 116–117]. Впрочем, необходимо добавить, что казаки в этом отношении от партизан ничем не отличались.

После изгнания Колчака Долгих вступил в РКП(б) и перешел в ряды РККА, став командиром стрелкового полка на врангелевском фронте. В 1921–1922 гг. он был беспощадным карателем в войсках ЧОН, громя повстанцев Горного Алтая и применяя самый жестокий террор. Один из бывших партизан впоследствии указывал, что Долгих «...расстреливал и рубил виноватых и невиноватых алтайцев, тем самым все больше обострял алтайское население против советской власти», за что власти автономии хотели привлечь этого командира ЧОН «к самой строжайшей ответственности» [3. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 130 об.]. Однако вместо наказания Долгих наградили орденом Красного Знамени за разгром отрядов подьесаула А.П. Кайгородова. Сам он в мемуарах гордо писал о пленении Кайгородова и еще 40 человек после уничтожения всей «банды», а потом итожил: «Отдохнув... отряд расстрелял всех оставшихся бандитов, отрубил голову Кайгородову, которую послали в штаб 62-й бригады для доказательства разгрома банды» [4. С. 104].

В 1924–1925 гг. Долгих – слушатель курсов «Выстрел» в Москве. Но даже после окончания обучения военная карьера сильно пьющего командира 64-го полка в Новосибирске не сложилась: он был изгнан из

армии за «систематическое пьянство». Вернувшись в конце 1926 г. в Барнаул, Долгих стал начальником местной тюрьмы, откуда два года спустя оказался уволен – снова за пьянство. Однако тут же возглавил местный окружной административный отдел, что было заметным повышением. Здесь, вероятно, сыграло роль то, что тогдашний помощник начальника Барнаульского окротдела ОГПУ Ф.М. Скрипко хорошо знал Долгих. В 1930 г., когда карательная система потребовала значительного пополнения, Долгих ждал крупный карьерный успех. Став начальником Комендантского отдела Сибкрая, он оказался у истоков формирования системы спецпоселений в регионе и возглавлял данную структуру вплоть до своего перевода в Красноярский край весной 1938 г. [1. С. 448–449].

В контексте истории формирования и динамики региональной охранительной системы фигура И.И. Долгих является весьма заметной. Тем не менее для историков и краеведов внимание к жизнедеятельности данной незаурядной личности ограничено рамками его службы либо в частях ЧОН, либо в лагерях на Урале, в Вятке и Кузбассе, причем описание службы дается неаналитично и комплиментарно [5]. Тем самым игнорируется пик его служебной охранительной карьеры в 1930–1937 гг., когда Долгих выступал фактическим хозяином региональной сети спецпоселений, одной из самых знаковых в стране, имея выход не только на краевых партийно-государственных лидеров, но и на руководство ГУЛАГа. Статья призвана восполнить данную лакуну. Соответственно, необходимо в качестве введения в проблематику дать краткую характеристику комендатурной системы Западной Сибири.

Дислокация комендатур, форсированно создаваемых в начале 1930-х гг., охватывала значительную территорию региона, ощутимо сказываясь на всей системе управления и жизнедеятельности населения Западной Сибири. В частности, крестьянские депортации 1930–1931 гг. привели к размещению в Нарымском крае, численность местного населения которого составляла около 120 тыс. чел., 215 тыс. спецпереселенцев. [6. С. 237]. В ряде районов округа (Каргасокский, Колпашевский, Чаинский и др.) на 1933 г. спецпереселенцы имели значительное преобладание над местным населением [7. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1662. Л. 166–167].

Созданные по географическому признаку, комендатуры охватывали северные районы (Нарымский край, с 1933 г. – округ) и южные (Кузбасс). За северными комендатурами закреплялись традиционные отрасли производства (сельское хозяйство, кустарные промыслы, лесозаготовки, рыболовство), тогда как в Кузбассе труд спецпереселенцев имел индустриальную направленность (добыча угля и золота, строительство и др.). При этом если в 1931 г. в северных спецпоселках находились 215 тыс. чел, а в южных – 82 тыс., то к 1938 г. соотношение контингентов оказалось более сбалансиро-

рованным: 117 тыс. на севере и 83 тыс. на юге, — причинами чего были повышенные смертность и бегство нарымских ссыльных [8. С. 223–224, 287–288].

Эксплуатация труда «кулаков» в организационно-экономическом отношении также разнилась. В северных комендатурах создавалась сеть неуставных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелей, производственная деятельность которых находилась полностью в подчинении комендатур (исключение составляли комендатуры лесного направления, где договоры СибЛАГа заключались с Наркоматом лесной промышленности). В комендатурах Кузбасса договоры СибЛАГа заключались с промышленными и транспортными предприятиями, бравшими на себя не только производственную эксплуатацию ссыльных, но и обязанность создавать для них социально-бытовые и медико-культурные условия. Коменданты же отвечали за соблюдение режимных условий в спецпоселках. Создание и функционирование системы спецпоселений оказывало громадное воздействие на демографическую, экономическую, политико-управленческую ситуацию в Западной Сибири.

Многие организационно-технологические решения и опыт предыдущей добровольной переселенческой волны столыпинского времени оказывались невостребованными и попросту проигнорированными в силу иных условий, сроков и ресурсного обеспечения депортационных кампаний начала 1930-х гг., поскольку они базировались на политических решениях, где карательные и изоляционные задачи являлись резко приоритетными перед экономическими, социальными, культурными, бытовыми и пр. Недаром в 1930 г. чекисты Сибири докладывали, что у ряда районных и многих низовых работников сложилось мнение, что выселение «кулаков» является «началом их физического уничтожения, и на последовавшие директивы [они] смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством» [9. С. 101]. Ответом стал ряд стихийных восстаний, при подавлении которых не обошлось без деятельных усилий бывшего партизана и чоновца, легко вернувшегося к методам Гражданской войны. Позднее Долгих так писал о поручении секретаря Сибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе подавить «кулацкое» восстание в Ойротии весной 1930 г.: «Я... развил всю свою энергию... с согласия партийных организаций собрал до 400 человек бывших партизан, отбросил все разложившее[ся], ненадежное, потерявшее ценность, — и, может, жестко (чего мы боялись с т. Гариным [заместителем полпреда ОГПУ]) восстание подавили» [3. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 120].

«Время Долгих» в 1930-х гг. оказалось периодом соединения воедино всех трех составляющих депортационного процесса (высылка + «оседание» + «перевоспитание») и достижения определенной стабилизации институционально сформированной спец(труд) поселенческой части ГУЛАГовского комплекса. Оказаться на одной из важнейших ступеней региональной карательной лестницы не было простым делом, но еще сложнее было на ней удержаться. Ниже рассмотрим несколько кризисных ситуаций, определивших номен-

клатурную карьеру этого типичного «штрафника» карательной системы внутри структур собственно штрафной колонизации.

Иван Долгих, безусловно, обладал необходимыми характеристиками, чтобы оказаться нужным работником в карательных органах, пусть и нижнего уровня, формировавшегося в немалой степени из выгнанных из милиции и ВЧК-ОГПУ сотрудников. При формировании в составе Сибирского краевого административного управления (СКАУ) комендантского отдела по организации и руководству сети спецпоселений он в конце августа 1930 г. возглавил его взамен ушедшего на повышение П.Г. Конопелько. Начальник СКАУ Ф.М. Скрипко явно покровительствовал Долгих как давнему знакомцу.

Долгих заступил на службу в больше всего напоминавший катастрофу период волонтаристского формирования сети комендатур. Несмотря на то, что в тот момент (осень 1930 г.) происходило разукрупнение Сибирского края, и Долгих получил под свое начало только западносибирские комендатуры, в них оказалось 3/4 спецпоселений бывшего Сибкрая, размещенных на громадной территории: один только Нарымский край, где дислоцировалось 11 комендатур с почти 45 тыс. спецпереселенцев, занимал площадь в 300 тыс. кв. км. Зимняя высылка 1930 г. (первая депортационная волна), осуществленная в форсированном порядке без необходимого ресурсного обеспечения и при отсутствии какого-либо опыта осуществления столь масштабной высылки с приоритетами размещения поселков в необжитых и труднодоступных территориях, чтобы предотвратить массовое бегство, привела к тому, что в некоторых комендатурах сложилась ситуация массового вымирания ссыльных. Так, в Кулайской комендатуре, расположенной на стыке Омского (Тарский р-н) и Томского округов в болотистой местности, непригодной не только для хозяйственной деятельности, но и для жизни, из расселенных в марте почти 9 тыс. крестьян к августу 1930 г. осталось 1 607, остальные бежали либо умерли [3. Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 45. Л. 215–216]. Во всех округах Сибири, где к лету 1930 г. началось формирование сети комендатур, оказывались спецпоселки, дислоцированные по режимно-изоляционным соображениям в местностях, непригодных для хозяйственной деятельности [10. С. 188–192]. Поэтому возникла необходимость срочно переселить «спецконтингент», увязав эту меру с рациональным использованием данной «рабсилы».

Долгих оперативно приступил к работе. Первый известный документ, подготовленный им под началом Ф.М. Скрипко, датирован 17 сентября 1930 г. и представлял собой докладную записку в крайисполком с планом «расселения и стационарного закрепления спецпереселенцев» с использованием их труда в лесной промышленности [3. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 106. Л. 71–72 об.]. Следовало до наступления зимы произвести значительную передислокацию ряда комендатур и спецпоселков в них, при этом ввести в деловое русло взаимоотношения руководства комендатур с партийно-государственными и ведомственными органами. Для западносибирского региона проблема закрепления спецпереселенцев в лес-

ной отрасли оказывалась одной из стержневых, ибо лес был необходим всем отраслям экономики – от шахт истроек Кузбасса до внутреннего потребления самой комендатурной системой. Предложения Долгих получили одобрение краевых органов, так что меры по новому стационарированию комендатур и определению направлений их хозяйственной деятельности стали приносить первые результаты, что позволило энергичному начальнику закрепиться к началу 1931 г. в своей новой должности.

Однако в том же 1931 г. и для Долгих наступило время граничивших с выживанием номенклатурных испытаний, связанных с коренной реорганизацией системы управления спецпоселениями, которая после расформирования НКВД РСФСР со всеми штатами и ресурсами по решению комиссии ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам (комиссия А.А. Андреева) перешла с весны 1931 г. в ведение ОГПУ, став подразделением в составе ГУЛАГа [11. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 3]. Решающим моментом в послужном списке Долгих явилось оперативное руководство крупнейшей региональной депортацией крестьянских семей, проведение которой инициировалось краевым полпредом ОГПУ Л.М. Заковским по согласованию с секретарем крайкома Эйхе, считавшими, что следовало радикально «зачистить» край от «твердоустановленных кулацких хозяйств» (40 тыс. хозяйств / около 180 тыс. чел.), и получившими на это 18 марта 1931 г. санкцию от комиссии ЦК по спецпереселенцам – в порядке внутрикраевой высылки из южных районов Западной Сибири в Нарымский край [12. С. 279].

Депортация столь значительной массы ссыльных крестьян в Нарым, хотя и проведенная, в отличие от предыдущей зимней высылки, с середины мая по середину июня 1931 г. и имевшая двухмесячный подготовительный период, в ходе своей реализации имела ровно те же, только в более значительных масштабах, сбои, что годом ранее: «упущения» в обеспечении карательной операции необходимыми ресурсами; просчеты с местами размещения спецпоселков, усугубленные весенним разливом Оби и ее притоков; несогласованность и конфликты работников комендатур с местными управленческими структурами и т.д. Направленный Долгих Заковскому 22 июня «Доклад о ходе расселения спецпереселенцев по Нарымскому краю» содержал достаточно реалистичную информацию как о самой карательной операции, так и о значительных просчетах, допущенных в ходе перевозок и размещения ссыльных [13. С. 376–385]. В докладе Долгих рефреном шла информация о непрерывном преодолении препятствий, которые создавались природными условиями, транспортными «неувязками», протестами высылаемых, сопротивлением местных органов вместо содействия и помощи чекистам. Тем самым Долгих смещал акценты с собственных просчетов на внешние обстоятельства.

В это же время в Нарым выехала комиссия во главе с работником Секретного отдела ОГПУ Л.И. Юргенсом, которую в аппарате курировавшего ссылку секретно-политического отдела ПП ОГПУ ЗСК всячески отговаривали от поездки, запугивая трудностями пути, причем, по сведениям бывшего начальника секретного

отдела полпредства П.М. Кузьмина, переданным в СПО ОГПУ, новосибирские чекисты в июне 1931 г. хотели даже организовать инсценировку нападения на комиссию «бандитов»-повстанцев, чтобы не дать контролерам из Центра увидеть отчаянную ситуацию в местах размещения ссыльных. [14. Ф. 2. Оп. 9. Д. 550. Л. 490]. Однако комиссия Юргенса смогла добраться до Нарыма. Получив информацию о ситуации с расселением «кулаков» и из Новосибирска, и из центрального аппарата ОГПУ, Политбюро 20 июля отклонило ходатайство Запсибкрайкома разрешить «производство дополнительного внутрикраевого переселения 10–15 тыс. кулаков» [15. Ф. 17. Оп. 166. Д. 410. Л. 5]. А 28 июля Политбюро приняло решение направить в восточные регионы расселения спецпереселенцев инспекторов с более широкими полномочиями – в ранге членов ЦКК. Вскоре, 5 августа, Политбюро в жесткой форме указало Заковскому и Эйхе, «что они провели операцию по выселению кулаков на север, недостаточно ее подготовив, вследствие чего в процессе выселения имеется ряд серьезных недостатков, смертность детей, плохая подготовка на местах...» [12. С. 346–347].

Ставить многочисленные сбои в проведении весенне-летней операции в вину лично Долгих руководители региона не стали, ибо его полномочия не позволяли ему решать сложный узел согласований действий различных органов власти, вовлеченных в спецпереселенческую сферу, тем более что сами Эйхе и Заковский отделались легким испугом. Вполне удовлетворительно и настойчиво выполняя директивы, Долгих беспрерывно разъезжал по Нарымскому краю, подтверждая исполнительность и способность решительно действовать в критических ситуациях. Когда в конце июля – начале августа 1931 г. в Парбигской комендатуре произошло единственное в истории спецпоселений восстание ссыльных крестьян, Долгих оказался в центре событий, став одним из руководителей его разгрома.

Пятидневное восстание, в котором участвовали от 700 до 1 500 повстанцев, не вышло за границы нескольких спецпоселков и части местных деревень. Поэтому скоординированными действиями оперативной группы чекистов из Томска и нескольких отрядов местных партийно-комсомольских активистов оно было быстро и с демонстративной жесткостью подавлено. Ведомство Долгих не сумело предотвратить вооруженное выступление крестьянства, при том что отсутствие на тот момент агентурно-осведомительной сети в комендатуре являлось функциональным сбоем со стороны ОГПУ. По оценкам следствия, в боевых действиях потери повстанцев составили около 100 человек, но исследователи полагают, что жертв было вдвое больше; часть их расстрелял лично Долгих. Не только сотрудники комендатур, но и местные активисты осуществляли бессудные расправы над бежавшими в тайгу участниками восстания [16].

Сам факт восстания в Парбигской комендатуре лишь в наиболее экстремальной форме отражал общие процессы новой фазы выстраивания системы управления спецпоселениями после передачи ее в ведение ОГПУ, унаследовавшей те узкие места, которые проявили себя еще в 1930 г. Основным проблемным ме-

стом оставался механизм разработки и принятия решений, касавшихся данной сферы репрессивной политики. Практически все директивы инициировались руководством ОГПУ, затем утверждались (после корректировок) Политбюро, для чего была создана и функционировала комиссия ЦК по спецпереселенцам, и обретали силу прямого действия. В регионах координаторами и ответственными перед Центром за реализацию данных решений выступали партийные руководители и полпреды ОГПУ. Функционально ответственными исполнителями становились начальники лагерей ОГПУ, в структуру которых и входили с весны 1931 г. отделы спецпоселений.

Таким образом, в исполнительской иерархии Долгих занимал достаточно скромное место с очерченным кругом полномочий, и любые его решения, выходявшие за эти рамки, требовали согласований с начальником СибЛАГа, хотя в отдельных случаях он мог обращаться в аппарат полпредства или непосредственно к полпреду ОГПУ. Долгих ценили как исполнителя, жестко, любой ценой проводившего любые репрессивные директивы в максимально удаленном от Новосибирска регионе. За период его пребывания в должности сменилось пять начальников региональной структуры ОГПУ–НКВД и столько же начальников СибЛАГа, в подчинении которых он находился. При этом Долгих постоянно обвинялся в грубости и пьянстве, периодически ссорился с секретарями райкомов округа, позволял себе игнорировать собственное начальство, но оказался непотопляемым [17. С. 456]. Ключевое место в действиях Долгих занимала кадровая политика: подбор, расстановка, контроль, поощрение и наказание в зависимости от исполнительности и результатов деятельности работников Отдела спец(труд)-поселений. Здесь его полномочия были самыми широкими. Текучесть кадров в комендатурах была во все 1930-е гг. высокой, прежде всего в низовых звеньях (помощники комендантов, вахтеры / милиционеры), однако столь же жестко происходили кадровый отбор и выживание среди поселковых и даже участковых (позднее – районных) комендантов.

За годы своего руководства сетью спецпоселений Долгих дважды пережил кризисную ситуацию в кадровой сфере (с лета 1931 по лето 1932 г. и в 1933 г.). В ходе проведения майско-июньской депортации 1931 г. и последующего годичного периода размещения «нового контингента» в комендатурах Нарымского края происходил и громадный кадровый отсев работников спецпоселений. Исходно он обуславливался тем, что из требуемых по штату 410 новых работников по линии партийной мобилизации в распоряжение Долгих поступило только 40. Обращение через печать и вербовка командного состава запаса, служившего ранее в РККА и тюремно-милицейской сфере, дали скромные результаты: из 300 кандидатов отбор прошли 180. Часть работников в дальнейшем пришлось набирать из местных служащих, в том числе хозяйственников, которым требовалось адаптироваться к режимной деятельности. Вынужденной мерой выступала практика использования на низших охранных должностях (стрелки) контингента из расконвоированных заключенных

СибЛАГа, которых привлекали обещанием сокращения сроков заключения.

В течение года в ходе проверки и чистки состава комендатур были уволены 376 вольнонаемных из спецпоселков и 74 работника аппарата участковых комендатур – всего 450 чел. Основной причиной указывалось несоответствие занимаемой должности, на которую пришлось около половины изгнанных работников. Против части из них были возбуждены административные дела (13 чел.), а 48 работников, половину из которых составили участковые и поселковые коменданты, были осуждены Коллегией ОГПУ на сроки от трех до 10 лет заключения [6. С. 241–242]. Эти данные СибЛАГ не только отправлял по служебной линии, но и докладывал краевому партийно-советскому руководству. В центральном аппарате ОГПУ, куда стекались и анализировались сведения о «кулацкой ссылке», кадровая ситуация с комендантами в регионе в сводке СПО от 9 августа 1931 г. расценивалась как неблагоприятная: «Личный состав комендатур подобран без достаточной проверки и в силу отдаленности и отсутствия наблюдения и руководства подвержен разложению. Среди работников охраны неоднократно отмечались факты связи с кулачеством, пьянство, мародерство, избивание высланных и т.д. За 8 мес. работы за всякие злоупотребления отдано под суд 22 коменданта и уволено значительное число работников охраны» [13. С. 965]. Долгих весной 1932 г. отмечал, что с мая 1931 г. ему довелось осуществить четыре длительных командировки в Нарым с полномочиями отстранять комендантский состав от должности и передавать дела на них в суд, чем он был вынужден активно заниматься. В то же время Долгих понимал, что подготовленного для замены кадрового резерва у него нет, и отстранял только за серьезные грехи [6. С. 213]. Поэтому в том же 1933 г. уволенные за уголовные преступления охранники Александров-Ваховской комендатуры вскоре принимались на службу обратно, вновь практикуя бессудные расправы и ограбления ссыльных [3. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 1445. Л. 10 об.].

Каждая крупномасштабная депортационная кампания (а на биографию Долгих таковых выпало три) для исполнителей различного ранга предполагала разнонаправленные векторы – как потенциального взлета, так и крушения карьеры. Самым серьезным «моментом истины» для Долгих стало участие в высылке 1933 г., по мнению исследователей, наиболее провальной в истории принудительных миграций 1930-х гг. как по целям, так и по результатам осуществления. Согласно амбициозным замыслам Г.Г. Ягоды, докладная записка которого от 13 февраля 1933 г. получила одобрение Сталина, в течение этого года предусматривалось осуществление тотальной зачистки западных, центральных и южных регионов страны от маргинальных слоев общества: крестьян, высылаемых из районов «сплошной коллективизации», «беглых кулаков», «неблагонадежного контингента» на приграничных территориях, «деклассированных элементов» центральных городов, осужденных на сроки до пяти лет и др. Планировалось размещение в течение весны–осени на территории Западной Сибири и Северного Казахстана

двух миллионов человек (по миллиону в каждом регионе), используя предыдущий, считавшийся успешным, опыт создания в 1930–1932 гг. сети крестьянских спецпоселений. Предполагалось, что «зачистка» европейской части страны снимет там социальную напряженность и разрядит криминогенную обстановку, обострившуюся в условиях стихийных миграций, связанных с массовым голодом, а имевшийся среди маргинальных групп трудовой ресурс будет использован в целях освоения восточных территорий [18. Ф. 3. Оп. 30. Д. 96. Л. 127–138].

В силу как нехватки материальных и кадровых ресурсов, так и межведомственных рассогласований и конфликтов чистка фактически провалилась: к концу 1933 г. число депортированных составило около 200 тыс., из них в комендатуры Западной Сибири было ввезено 140 тыс. [11. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 206]. Но даже размещение такого ограниченного в сравнении с планами контингента повлекло катастрофические последствия. Хотя Москва посчитала ответственными за операцию Эйхе и нового полпреда ОГПУ Н.Н. Алексеева, основными виновниками признавались начальник СибЛАГа А.А. Горшков и его помощник по спецпоселению Долгих. Трагедия, известная как Назинская, по месту гибели на речном острове Оби в июне 1933 г. не менее двух-трех тысяч из 6 100 «деклассированных» (территория Александровской комендатуры), получила не только ведомственную огласку, но и масштабный номенклатурный резонанс. Обстоятельства случившегося стали предметом работы специальной краевой комиссии [19].

«Дефекты» данной карательной операции являлись типичными эксцессами, сопровождавшими и депортации 1930–1931 гг. (массовые аресты случайных людей, огромные смертность и бегство в ряде комендатур, особенно в Кулайской весной и летом 1930 г. и в группе поселков Широковской комендатуры на участке Палочка, где убыль спецпереселенцев в зиму с 1931 на 1932 г. произошла в масштабах, сопоставимых с Назинской). Если ранее такого рода эксцессы глохли в недрах самого ОГПУ, то Назинская история стала прецедентом демонстративного наказания краевыми партийными органами СибЛАГовской управленческой вертикали сверху донизу. Согласно информации полпреда Алексеева зампреду ОГПУ Ягоде от 7 ноября 1933 г., репрессии в отношении комендантского корпуса северных комендатур приняли широкий характер: «За период с 1/IV по 1/XI–33 г. привлечено к судебной ответственности работников комендатур Сиблага 112 чел. <...> По Александровской комендатуре, укомплектованной менее проверенным элементом, где отмечалось наибольшее количество служебных преступлений (особенно избиения, мародерство), привлечено к ответственности 25 чел.». [14. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 129].

Долгих, безусловно, также подлежал наказанию. Однако в отношении руководства СибЛАГа крайкомом партии было принято решение ограничиться взысканием по партийной линии. За нераспорядительность и отсутствие контроля, «замазывание и недостаточно правильную информацию крайкома партии и других

органов об истинном положении с расселением в комендатурах деклассированного элемента» Горшков получил строгий выговор с предупреждением. Долгих, по мнению крайкома, как «руководивший непосредственно проведением всей операции», заслуживал «более сурового партийного взыскания, но учитывая... ряд крупных революционных заслуг, а также его прошлую большую, положительную работу по расселению» ссыльных, вместо исключения из партии также отделался строгим выговором с предупреждением [3. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 540а. Л. 128].

Между тем за «перегибы» в кампанию 1933 г. по стране наказали многих, похожих на Долгих. Например, начальник Котласского оперсектора ПП ОГПУ по Северной области И.А. Ардачев в марте–мае 1933 г. допустил массовую гибель ссыльнопоселенцев при этапировании по территории Дальневосточного края и был осужден Коллегией ОГПУ СССР на три года концлагеря; в 1934 г. привычно для подобных деятелей амнистирован за хорошую работу [20. Ф. 6. Оп. 1. Д. 228. Л. 115]. Начальник милиции Карагинской области Я.Б. Добриер был отдан под суд за допущение массовых арестов, облав и длительного незаконного содержания под стражей «при изъятии социально-чуждого элемента в Петропавловске» [Там же. Д. 93. Л. 119]. Чекист Я.А. Сычев, ранее убранный в милицию за убийство, в 1933 г., будучи начальником оперотдела УРКМ ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю (Саратов), допустил массовые аресты и содержание арестованных в антисанитарных условиях, за что был арестован, но через два месяца по суду освобожден, затем восстановлен в партии и возвращен в НКВД [Там же. Оп. 2. Д. 986. Л. 126].

Характерно, однако, что если Горшков вскоре убыл из Сибири с понижением, то Долгих, напротив, пошел в гору. Крайком предложил в «целях лучшего обслуживания и управления трудпоселенцами» выделить из системы Сиблага самостоятельное управление по делам ссыльных [3. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 540а. Л. 131]. Эту партийную рекомендацию ОГПУ приняло, сделав Долгих начальником отдела трудпоселений в ранге заместителя начальника СибЛАГа. Партийное взыскание с Долгих вскоре оказалось снятым благодаря ходатайству бюро Нарымского окружкома партии «за крупные достижения в деле расселения и хозяйственного устройства спецпереселенцев» [Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 22].

В номенклатурной живучести Долгих сыграло свою роль и его участие в реализации секретного постановления СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае», поставившего задачу «...в ближайшие два года полностью освободиться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей... и перейти на снабжение продуктами собственного производства» [18. Ф. 3. Оп. 30. Д. 195. Л. 189]. Помимо создания в комендатурах сельскохозяйственного производства, предусматривались и значительные ресурсные вложения в развитие силами спецпереселенцев лесной промышленности, кустарных и рыбных промыслов. Это предполагало крупные вложения в инфраструктуру Нарыма, кото-

рый становился ценным каналом для получения в регион ресурсов из Центра – порядка 50 млн руб. И Долгих отчасти стал символической, хотя и специфической, непубличной фигурой, олицетворявшей «успешное освоение Нарыма». Назинская трагедия в данном контексте воспринималась лишь как досадный эпизод на фоне достижений в правительственной программе карательной колонизации нарымского Севера. Об этом свидетельствует докладная записка начальника ГУЛАГа М.Д. Бермана руководству ОГПУ от 1 ноября 1933 г., посвященная ходу освоения Нарыма силами спецпереселенцев и основанная на документации, подготовленной ведомством Долгих. Ее вывод гласил: «Основная директива правительства об освобождении государства в течение 2-годового срока от завоза в Нарым продовольствия для спецпереселенцев выполнена полностью... Хозустройство выселенных в 1930–1931 гг. в Нарым кулаков надо считать в основном законченным» [14. Ф. 2. Оп. 11. Д. 538. Л. 9–10].

Однако освоение 52,6 млн руб., показанное через стоимость вложенных средств, площадь раскорчеванной земли, размеры посевных площадей, среднюю урожайность, завоз инвентаря и прочее, на деле не было эффективным. Хлебофуражный баланс, который должен был демонстрировать соответствующую позитивную динамику, не сообщался, а приводился лишь план получения «чистого товарного излишка» на следующий год. Создание в спецпоселках собственной продовольственной базы в реальности выполнено не было. Для роста животноводства не доставало кормов, а поголовье лошадей сильно уменьшилось (с 17 до 12,5 тыс. голов) и было совершенно недостаточным. Не оправдались завышенные показатели и по рыбной ловле: вместо запланированного ежегодного вылова по 5 тыс. т за 1932–1933 гг. удалось выловить лишь тысячу тонн [Там же. Л. 1–10].

Весь пафос реляции Долгих и Бермана об успехах карательной колонизации дезавуировался демографическими показателями. Если в 1930–1931 гг. в край вселили 284 тыс. спецпереселенцев, то на 1 августа 1933 г. в комендатурах осталось около 140 тыс. Причины такой убыли «спецконтингента» чекисты не скрывали: смертность и побегі они оценили в 107,5 тыс. чел. [Там же. Л. 1–2]. Ценность деятельности нарымских спецпоселений усматривалась московским и сибирским руководством в том, что практически на новом месте чекистами была заложена, сопровождаемая громадными издержками, и начала функционировать производственная, жилищно-бытовая и медико-культурная инфраструктура, опиравшаяся на принудительный труд «вычищенных» из районов сплошной коллективизации «врагов».

Указанные «достижения» позволяли чекистам и далее продвигать программу государственных вложений в сеть нарымских комендатур. Очередной проект, готовившийся во второй половине 1935 г. и посвященный развитию экономики Нарыма, имел и секретную часть, в которой затрагивалась спецпоселенческая тематика, подготовленная краевым руководством НКВД. Принятое в итоге 17 января 1936 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о мерах «по подъему сельского

хозяйства северных районов Западно-Сибирского края» предусматривало, наряду с вложениями средств в экономический потенциал Нарыма, предоставление ссыльным крестьянам ряда преференций, которые призваны были способствовать их хозяйственному закреплению в местах расселения: ускоренный порядок восстановления активной части в гражданских правах, упрощенный порядок передвижения в пределах округа и передачи нетрудоспособных ссыльных на иждивение родственников, прием детей в пионерские отряды, а подростков – в ВЛКСМ и др. [11. Ф. Р-9479. Оп. 1с. Д. 32. Л. 1–4].

Чекисты смогли отрекламировать свои достижения в преображении гиблого царского Нарыма в цветущий «советский» в центральной печати. «Комсомольская правда» 11 февраля 1936 г. дала целый разворот материалов, посвященных преобразению края под общим названием «Расцветает советский Нарым». Ключевое место среди других публикаций, авторами которых выступили молодые учитель и трактористка, занимала статья Долгих «Нарым советский», сопровождавшаяся его фотографией. В ней, помимо привычной идеологии о поставленной партией и государством перед чекистами цели освоения богатейших ресурсов региона силами «раскулаченных», проходивших «перековку» трудом, содержались оценки успешного преодоления трудностей, созданных предрассудками о непригодности северного климата для развития аграрного производства и продуктивного животноводства. В подтверждение приводилась выборочная статистика, подтверждавшая освоенческие успехи комендатур. Безусловно, валовые показатели должны были впечатлить читателя, однако когда речь шла об урожайности зерновых культур или объемах полученного зерна и картофеля на трудодень, то Долгих оперировал лишь примерами отдельных артелей.

Еще более радужной рисовалась ситуация с добровольностью выбора ссыльными форм хозяйствования: «Никакого принуждения в выборе форм хозяйствования нет. Смотря по желанию, трудпоселенец может работать и в артели, и единолично». При этом далее Долгих указывал, что именно коллективный артельный труд является залогом восстановления ссыльных в гражданских правах. Говоря о заслугах комендантского корпуса, он пафосно заявил, что «великую честь оказала нам партия, поручив работу по перековке трудпоселенцев». Предельно глухо автор упомянул, что охранительная деятельность потребовала «разобраться в сложнейшем переплете классовой борьбы».

Несмотря на обилие сигналов о злоупотреблениях Долгих по части отлаженного карательной системой широкого «самоснабжения», пьянства и даже жульнического уклонения от уплаты партийных взносов (в 1936 г. Долгих с зарплаты 1 087 руб. платил вместо 19 руб. в месяц менее 9 руб.), он заслужил достаточный авторитет у властей [3. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 24. Л. 12]. В начале 1937 г. руководство Запсибкрая (Эйхе и Ф.П. Грядинский) обратилось в Москву с ходатайством о награждении Долгих орденом Ленина «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге». С ве-

домственной стороны оно было поддержано наркомвнуделом Н.И. Ежовым, который в обращении к Сталину от 5 апреля 1937 г. отмечал, что «благодаря энергии тов. Долгих, в Нарымской тайге заведено интенсивное культурное зерновое хозяйство, организован ряд кустарно-промысловых охотничьих и рыбацких артелей, построены больницы, школы, детские дома и ясли и созданы другие культурно-бытовые условия, обеспечивающие превращение десятков тысяч кулацких семей в трудовое население, а также его активное участие в борьбе с бандитизмом Сибири в прошлом...» [14. Ф. 3. Оп. 4. Д. 91. Л. 135].

Награждение Долгих не состоялось по неясным причинам. Возможно, Сталин решил, что важнее отметить заслуги тех чекистов, которые успешно создавали политические дела на большие группы «врагов» и занимались непосредственно расстрелами, а не тех, кто распоряжался в лагерях и ссылке. Либо виноватой оказалась драматическая ситуация начавшегося массового террора и номенклатурной войны «всех против всех», в ходе которой один из покровителей Долгих, Ф.П. Грядинский, вскоре оказался арестован и затем расстрелян. Против самого Долгих было открыто длившееся почти три месяца (июнь–август 1937 г.) партийное расследование в первичной организации НКВД о злоупотреблениях по службе, наличии «вредительства в Отделе трудпоселений» и последовавших арестах части специалистов из ближайшего окружения Долгих, с решением ходатайствовать об исключении последнего из партии [3. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 111–117].

В это время Долгих активно «чистил» бывших партизан и проводил Большой террор: «Зимой 1937 г., когда нужно было очищать Алтай от изменников родины японских шпионов – [партизанского командира И.Я.] Третьяка и его компании, по поручению нач-ка Управления НКВД [С.Н. Миронова] я помогал проводить эту операцию... помогая изымать оружие, и, по оценке зам. нач. Управления т. [А.И.] Успенского, провел хорошо работу. Уже в июне месяце, когда началась операция по изъятию контрреволюционного элемента в Нарыме, я также был послан нач. Управления [НКВД Мироновым] помощником т. [С.П.] Попову, я приложил все усилия как большевик для того, чтобы как можно лучше провести ту работу...». [Там же. Л. 120].

Долгих удалось избежать высшей партийной кары, поскольку в начале октября 1937 г. было принято решение о передаче всей хозяйственной деятельности и инфраструктуры ОТП в ведение соответствующих профильных гражданских органов, и Долгих, руководя данной реорганизацией, оказывался фактически незаменимым. Сыграло роль и выдающееся номенклатурное положение Ежова, еще недавно поддерживавшего награждение Долгих, а также покровительство со стороны руководителей ГУЛАГа, заместителей Ежова М.Д. Бермана и выходца из системы ЧОН и войск ВЧК В.В. Чернышева (последний проработал заместителем наркома – министра внутренних дел СССР до 1952 г.).

Завершив реорганизацию сибирских спецпоселений, Долгих в марте 1938 г. был назначен зам. начальника Красноярского ИТЛ, перейдя в лагерную систему. Как и большинство начальников лагерей, он периодически

подвергался взысканиям, но смог доказать свое право быть видной шестеренкой ГУЛАГа, где передвигался в основном по горизонтали, от руководства одним рядовым лагерем до другого, выслужив в итоге чин полковника и заработав самый незначительный орден – Знак Почета. В апреле 1943 г. от Свердловского обкома ВКП(б) Долгих получил строгий выговор за срыв производственной программы Ивдельлага, вскоре снятый. В январе 1950 г. Кемеровский обком ВКП(б) указал на безответственное отношение Долгих к подбору и расстановке кадров Южжубасслага МВД. В конце этого же года наш герой был уволен в запас по болезни с правом ношения военной формы [1. С. 448, 449.] Долгих уцелел в Мировой и Гражданской войнах, «проскочил» в ходе партийных расследований его эксцессы периода 1922 г., депортаций 1930-х гг., Большого террора. За этим стояло как умелое использование ресурса покровителей, так и, вероятно, номенклатурное везение.

В фигуре Ивана Долгих совместились две ипостаси. В первой вырисовывается личность «человека войны», непрерывно находившегося в мобилизационном состоянии и действии, начиная с Первой мировой и до 1950 г. Мобилизационное состояние органично формировало психологический и поведенческий тип человека, выполнявшего чрезвычайные задачи чрезвычайными методами с чрезвычайными результатами и последствиями. В документальных источниках, в восприятии современников и отчасти в социальной памяти жителей региона (Алтай, Нарым) Долгих характеризуется как решительный и жестокий руководитель, наделенный экстраординарными полномочиями и не ограничивавший себя в выборе средств. Он хорошо знал, что лучше «перегнуть», чем «недогнуть». В объяснительной записке в партийные органы, связанной с попыткой его исключения из ВКП(б) в августе 1937 г., уверения в преданности партии Долгих подкреплял перечислением своей решительности в подавлении «антисоветских» мятежей и восстаний в 1922, 1930 (Ойротия) и 1931 гг. (Нарым) [3. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 120]. Очевидна типичность подобных людей, подбор которых в «органы» являлся сознательным с первых дней их существования и которые не только оседали в охранительной системе, но и наполняли все этажи партийно-советского и хозяйственного аппарата.

Во втором своем качестве его фигура трансформируется в символический образ главного создателя организованной в Западной Сибири системы спец(труд)поселений в 1930-е гг., позитивности и перспективности ее существования в дальнейшем. Долгих как организатор преобразования «дикого Нарыма» в «Нарым советский» фактически выступал олицетворением «успешности трудовой перековки раскулаченных», приуроченной к принятию Конституции 1936 г. Отделение реальности от символизма в феномене освоения территории и ресурсов Западной Сибири трудом репрессированного крестьянства требует продолжения исследования, одним из перспективных направлений которого может быть адекватно проведенное сравнение двух подходов, путей колонизации региона – позднеимперского столыпинского и советского карательного.

Список источников

1. Тепляков А.Г. Долгих Иван Иванович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. : биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 447–449.
2. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг. : документы и материалы / под ред. Г.Н. Безрукова. Барнаул : Нэкси, 1999. 319 с.
3. Государственный архив Новосибирской области.
4. Долгих И. Снежный поход (воспоминания о разгроме банды Кайгородова) // Десять лет Советской Ойротии : полит.-экон. сб. Улала, 1932. С. 100–104.
5. Рябова Ю.В. И.И. Долгих – первый руководитель Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 143–146.
6. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск : ЭКОР, 1993. 341 с.
7. Российский государственный архив экономики.
8. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск-ЭКОР, 1994. 310 с.
9. Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск : ЭКОР, 1996. 160 с.
10. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск : Наука, 1992. 283 с.
11. Государственный архив Российской Федерации.
12. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2005. Кн. 1. 912 с.
13. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. Кн. 2. 1119 с.
14. Центральный архив Федеральной службы безопасности.
15. Российский государственный архив социально-политической истории.
16. Красильников С.А., Мамкин О.М. Восстание в Парбигской комендатуре. Лето 1931 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 128–138.
17. Тепляков А.Г. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930–1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. С. 450–468.
18. Архив Президента Российской Федерации.
19. 1933 г. Назинская трагедия : документ. науч. изд. Томск, 2002. 223 с.
20. Российский государственный архив новейшей истории

References

1. Teplyakov, A.G. (2017) Dolgikh Ivan Ivanovich. In: Posadsky, A.V. (eds) *Vozhaki i lidery Smuty. 1918–1922 gg.: biograficheskie materialy* [Chieftains and leaders of the Troubles. 1918–1922]. Moscow: AIRO. pp. 447–449.
2. Bezrukov, G.N. (ed.) (1999) *Partizanskoe i povstancheskoe dvizhenie v Prichumysh'e 1918–1922 gg.: dokumenty i materialy* [Partisan and rebel movement in the Chumysh region: documents and materials, 1918–1922]. Barnaul: Neksi.
3. The State Archive of Novosibirsk Region.
4. Dolgikh, I. (1932) *Snezhnyy pokhod (vospominaniya o razgrome bandy Kaygorodova)* [A snow campaign (memories of the defeat of the Kaigorodov gang)]. In: *Desyat' let Sovetskoy Oyrotyi* [Ten Years of Soviet Oirotia: Political and Economic Collection]. Ulala. pp. 100–104.
5. Ryabova, Yu.V. (2017) I.I. Dolgikh, the first leader of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 143–146. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/18
6. Krasilnikov, S.A. (1993) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. Vesna 1931 – nachalo 1933 g.* [Special settlers in Western Siberia. Spring 1931 – early 1933]. Novosibirsk: EKOR.
7. The Russian State Archive of Economics.
8. Krasilnikov, S.A. (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938* [Special settlers in Western Siberia. 1933–1938]. Novosibirsk: EKOR.
9. Gushchin, N.Ya (1996) *“Raskulachivanie” v Sibiri (1928–1934 gg.): metody, etapy, social'no-ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya* [“Dispossession” in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences]. Novosibirsk: EKOR.
10. Krasilnikov, S.A. (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.* [Special settlers in Western Siberia. 1930 – spring 1931]. Novosibirsk: Nauka.
11. The State Archive of the Russian Federation.
12. Krasilnikov, S.A. (ed.) (2005) *Polityuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940 : v 2 kn.* [Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930–1940: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
13. Krasilnikov, S.A. (ed.) (2006) *Polityuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 kn.* [Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930–1940: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
14. The Central Archive of the Federal Security Service.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History.
16. Krasilnikov, S.A. & Mamkin, O.M. (1994) *Vosstanie v Parbigsoy komendature. Leto 1931 g.* [Uprising in the Parbig commandant's office. Summer 1931]. *Istoricheskiy arkhiv*. 3. pp. 128–138.
17. Teplyakov, A.G. (2013) “Okhrannoe otdelenie” rezhimnoy ekonomiki: komendantskiy korpus spetsposeleniy v Sibiri (1930–1940-e gg.) [“Security department” of the regime economy: the commandant's corps of special settlements in Siberia (1930–1940s)]. *Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat'* [History of Stalinism: Forced Labor in the USSR. Economy, Politics, Memory]. Proc. of the Conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 450–468.
18. The Archive of the President of the Russian Federation.
19. Krasilnikov, S.A. (2002) *1933 g. Nazinskaya tragediya* [1933, the Nazin tragedy]. Tomsk: [s.n.].
20. The Russian State Archive of Contemporary History.

Сведения об авторах:

Красильников Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: krass49@gmail.com

Тепляков Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Krasilnikov Sergei A. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: krass49@gmail.com

Teplakov Alexei G. – Candidate of Historical Sciences Associate Professor, Senior Researcher, Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: teplakov-alexey@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 04.07.2022; accepted for publication 07.09.2022